

УДК 327(73)

**СВОЕОБРАЗИЕ «АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА»
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЕДЕНИЯ БОРЬБЫ
МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ
«СТРАТЕГИЯ НЕПРЯМЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ»**

© 2010 г.

И.В. Шамин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ovpb@mail.ru

Поступила в редакцию 05.10.2010

Рассматривается теоретическая модель осуществления геополитического противоборства на межгосударственном уровне, которой придерживаются правящие круги Соединенных Штатов. Особенность данной концепции сокрушения «враждебных» государств на международной арене заключается в том, что главным приоритетом геополитической борьбы является устранение от власти в «атакуемой» стране неугодного политического режима.

Ключевые слова: геополитическая борьба, стратегия не прямых геополитических действий, тайные операции, неугодный политический режим, «третий путь», подрывные акции, «специальные операции», «военно-психологические акции».

В настоящее время «стратегия не прямых геополитических действий» является одной из наиболее эффективных концептуальных моделей по организации и ведению геополитической борьбы между государствами. При этом сам термин «стратегия не прямых действий» был введен в научный оборот известным английским военным теоретиком и военным историком Б.Х. Лиделл Гартон. Данное понятие он сформулировал в одной из своих последних работ, которая вышла двумя изданиями в 1941-м и 1946 г. в Лондоне под одноименным названием – «Стратегия не прямых действий». Затем эта книга была уже переиздана в 1954 г. в США и называлась «Стратегия». В то же время сам Б.Х. Лиделл Гартон понятием «стратегия не прямых действий» обозначал при этом особую концепцию прежде всего вооруженного противоборства, которую он считал наиболее эффективным способом ведения войны вообще. В ходе войны, по мнению этого военного теоретика, в целях достижения скорейшей победы над противником необходимо сосредоточить свои силы для нанесения массированных ударов главным образом по тылу и коммуникациям вражеской армии. То есть «разрушить» подобного рода боевыми действиями прежде всего ту материальную базу и инфраструктуру, на которую «опираются» войска противника в ходе проведения своих военных операций. И таким образом практически лишит армию «вражеского» государства самой возможности эффективно сражаться и оказывать сопротивление. При этом Б.Х. Лиделл Гартон

также считал, что главной целью войны является не достижение полного уничтожения вооруженных сил вражеского государства, а прежде всего принуждение правящих кругов «враждебной» страны (или даже нескольких государств-«противников») к тому, чтобы они согласились с принятием таких условий мира, которые полностью отвечали бы исключительно политическим, экономическим и военным интересам государства-«агрессора» [1, с. 442–462].

Однако к началу XXI в. данный термин и в странах Запада, и в России приобрел более широкое толкование. И стал уже использоваться экспертами в области геополитики и военной стратегии не только для определения соответствующей военной теории, но и для характеристики специфичной модели по организации и практическому осуществлению всего комплекса геополитической борьбы на межгосударственном уровне.

Вместе с тем в США получило распространение и другое понятие-синоним, также используемое для определения подобного концепта осуществления геополитического противоборства между государствами. Это – «мягкая сила» (soft power). А в 1990-е гг. американские специалисты по геополитическому противоборству в качестве в принципе аналогичного по значению термина также начали применять категорию «сетевая война». В России понятие «стратегия не прямых геополитических действий», или сокращенно «стратегия не прямых действий», получило распространение в 1990-е гг. В

то же время отечественные специалисты для обозначения данного способа геополитической борьбы к началу 2000-х гг. стали использовать еще четыре термина, которые фактически стали выступать как синонимы к понятию «стратегия не прямых действий». Первый – это «организационное оружие». Вторым – «системное оружие». Третьим – «стратегия нелинейных действий», или «нелинейная стратегия». И наконец, четвертый – «организационная война», или «оргвойна» [2, с. 72–73].

По своей сути «стратегия не прямых геополитических действий», или «организационное оружие» и др. – это особая технология осуществления геополитической борьбы, которая ориентирована прежде всего на обеспечение фактически абсолютного господства над «вражеским» государством на основе установления полного, всеохватывающего и при этом «скрытого» контроля над механизмом формирования и практической реализации внутренней и внешней политики такой страны, ее политико-управленческой, социально-экономической, оборонной, культурно-идеологической и другими ключевыми сферами, а также самими процессами ее дальнейшего развития путем использования для решения такого рода задач главным образом специально разработанного системного комплекса так называемых «не прямых» организационных воздействий и мероприятий, причем прежде всего «манипулирующего» и «подрывного» характера, рассчитанных на оказание соответствующего давления в этих целях практически на все составляющие «атакуемой» подобным образом государственно-геополитической системы, т.е. на всю «вражескую» государственную систему в целом. Согласно данной модели геополитического противоборства, подобное давление «агрессора» на страну-«жертву» может осуществляться как при отсутствии прямой конфронтации и сохранении официально «дружественного» характера отношений с нею, так и в условиях открытого конфликта, в том числе и вооруженного.

Вместе с тем данная технология геополитической борьбы также предполагает, что достижение всего комплекса указанных целей государство-«агрессор» добивается при этом путем сосредоточения главных усилий в ходе противоборства в первую очередь на том, чтобы сначала нейтрализовать работу, а затем обеспечить свой абсолютный контроль над функционированием политико-управленческой подсистемы государственной системы «вражеской» страны. Другими словами, главным объектом концен-

трированной геополитической атаки со стороны «агрессора» в процессе осуществления геополитической борьбы по данной концептуальной модели становится прежде всего правящая элита страны-«жертвы», а также структуры государственного управления вообще.

Таким образом, для государства-«агрессора» стержневым элементом геополитического противоборства, согласно «стратегии не прямых действий», является «сражение» за контроль над элитой страны-«жертвы», т.е. борьба за установление так называемого «скрытого» и одновременно «тотального внешнего господства» над вполне конкретными людьми и группами людей, имеющих непосредственное отношение к определению концепции, формированию «управленческого» содержания и практическому проведению в жизнь всех внутри- и внешнеполитических решений во «враждебном» государстве. Исходя из этого, главный критерий достижения «геополитической победы» – фактически превращение «агрессора» в единственный, реальный, но при этом «теневой» «центр власти» в стране-«жертве», способный решающим образом влиять на принятие и выполнение всего комплекса государственных решений.

В то же время на Западе одной из первых стран, правящая элита которой начиная фактически с эпохи Нового времени стала последовательно и достаточно активно использовать приемы и методы ведения геополитической борьбы против своих врагов из числа других государств, в том числе и России, полностью соответствующей технологии «стратегия не прямых действий», была Великобритания.

Например, российский политолог и публицист А. Фефелов так охарактеризовал специфику подобной стратегии и тактики геополитического противоборства, которой придерживался Лондон в течение достаточно длительного периода английской истории в новое и новейшее время: «Опять же, не секрет, что своей мощью и успешностью Британская империя во многом обязана своей дипломатии и разведке, которые обеспечивали систему «разводок» основных игроков на континенте. Частенько Англия вела войны чужими руками, прибегая к подкупам и не гнушаясь откровенными провокациями. Умело используя противоречия между другими державами, английскому правительству на протяжении столетий удавалось стравливать народы, оставаясь в каком-то смысле «над схваткой».

Еще со времени Ивана Грозного под видом купцов и послов стала проникать в Россию английская резидентура. При Иване Васильевиче,

понятно, не забалуешь. А вот спустя двести лет английские агенты смогли организовать уже ни много ни мало – убийство русского монарха. Павел Первый был задушен – якобы после того, как началось движение казаков из Оренбурга в Индию – эту базовую территорию колониальных владений Лондона. Убийство генерала Скобелева и Григория Распутина имеют также вполне выраженный английский след.

Казаки атамана Платова готовы были дойти хоть до Цейлона, скобелевские полки стояли в пригороде Константинополя, но каждый раз военная доблесть русской армии уходила в песок из-за того, что нас переигрывали вражеские технологии, включая дипломатические и разведывательные. С середины XIX века, со времени Крымской войны, это обстоятельство отлилось в классическую фразу «Англичанка гадит».

Самым мрачным и неизученным эпизодом вмешательства Британии в русские дела стала Февральская революция. Роль союзнической (на словах) Англии в уничтожении российской монархии требует дополнительного изучения. Что ж, вывести Россию накануне разгрома Германии из числа стран-победительниц, не допустить выхода ее на Босфор, при этом максимально ослабить и деморализовать – такая игра явно стоила свеч. Впрочем, сама Первая мировая война и втягивание в нее России – не есть ли пример блестящего стратегического планирования мудрецов, засевших на туманном Альбионе? Спустя двадцать лет, как в дурном сне, повторился сценарий мировой бойни. И опять шаги, предпринимаемые Англией, выглядят весьма двусмысленно. «Мюнхенский сговор» и так называемая «странная война» красочно иллюстрируют «особую позицию» Англии. Показывают, как и зачем шло вскармливание нацистского монстра. Вполне можно сказать, что именно разномастными усилиями господ Чемберлена и Черчилля удалось натравить Гитлера на СССР.

Обращает на себя внимание и особое значение в инструментарии британских стратегов пресловутых «оранжевых технологий». Поддержка любых враждебных Российской империи сил, создание для них перевалочной базы в Лондоне – практика, применяемая на протяжении столетий. Английская резидентура активно работала с горцами в периоды всех кавказских войн. Враги русского государства – будь они идеологи революции или беглые олигархи – всегда находили приют на берегах Темзы» [3, с. 2].

И как следует подчеркнуть, именно эту теорию геополитического противоборства правящие круги Соединенных Штатов стали в пер-

вую очередь активно использовать во второй половине XX – начале XXI века в целях «разгрома» своих реальных и/или потенциальных государств-«противников». Помимо США подобный способ «сокрушения» своих «врагов» и «захвата» соответствующего геополитического пространства в указанный исторический период был также «взят на вооружение» руководством КНР. Однако наибольшего эффекта как в разработке теоретической составляющей данной концепции осуществления геополитической борьбы, так и в создании и непосредственной отработке конкретных методик, а также организационных механизмов по ее практическому применению добились американские специалисты. Как следует отметить, правящая элита США впервые начала целенаправленно и последовательно применять «стратегию не прямых геополитических действий» в период «холодной войны» для «уничтожения» Советского Союза.

В свою очередь, руководство Соединенных Штатов «взяло на вооружение» концепцию организации и ведения геополитической борьбы на межгосударственном уровне «стратегия не прямых действий» в период «холодной войны» и применяло данную модель прежде всего для сокрушения своего главного геополитического «врага» во второй половине XX в. – Советского Союза. Как можно констатировать, в этом противостоянии Вашингтон уже в самом начале «холодной войны» все свои главные усилия направил не на подготовку и развязывание «открытой» военной агрессии против СССР, а прежде всего на обеспечение возможностей для отстранения от власти в советском государстве КПСС. При этом в качестве главного условия для осуществления этого «политического переворота» в Советском Союзе американские стратеги определили разрушение самих основ советской государственности путем целенаправленного и комплексного воздействия на нашу страну с помощью всего имевшегося тогда в распоряжении у США арсенала сил и средств геополитической борьбы. Данная концептуальная модель сокрушения СССР и достижения «геополитической победы» над ним была сформулирована в таких ключевых правительственных документах США эпохи «холодной войны», определявших базовые принципы американской политики в отношении Москвы в данный исторический период, как «Длинная телеграмма» поверенного в делах в Советском Союзе Д. Кеннана государственному секретарю США от 22 февраля 1946 г., Директива Совета национальной безопасности США NSC № 20 / 1

от 18 августа 1948 г., Доклад Совета национальной безопасности о целях США в отношении России по вопросам обеспечения безопасности № 20 / 4 от 23 ноября 1948 г., Доклад Совета национальной безопасности США президенту в ответ на запрос № 68 от 31 января 1950 г. [4, с. 325–340, 358–389; 5, с. 252–254, 260–267].

«Американские усилия на всем протяжении «холодной войны» с СССР, – например, указывал по этому поводу отечественный исследователь М.И. Крупянко, – были направлены на экономическое изматывание советской экономики непосильными для нее военными расходами, на ослабление военного потенциала СССР и нейтрализацию его как основного стратегического противника. Разумеется, в этой политике Соединенные Штаты Америки преследовали собственные цели и интересы, рассчитывая всякий раз воспользоваться ошибками советского руководства для ускорения дестабилизации политических и идеологических структур советского государственного механизма и в конечном счете способствовать его распаду как центра силы. Если верить бывшим лидерам западного мира, в том числе Валери Жискар д'Эстену, Ясухиро Накасонэ и Генри Киссинджеру, авторам фундаментального исследования по проблемам послевоенных отношений в системе Восток – Запад, то уже в начале 50-х годов американская администрация разработала поэтапную стратегию подготовки и реализации в СССР «революции сверху», т.е. организации государственного переворота со сменой политического истеблишмента, модели развития и идеологии руками ее же собственных руководителей» [6, с. 43].

В принципе аналогичное мнение по поводу особенностей той стратегии геополитического противоборства, которой придерживались правящие круги США в условиях глобального конфликта с Советским Союзом в годы «холодной войны», также высказал и А.А. Зиновьев в работе «Запад. Феномен западнизма». «Решающая роль в («холодной». – *И.Ш.*) войне, – писал он, – принадлежала США. Но на их стороне участвовал весь Запад. Это была война Запада, возглавляемого США. Запад, имея превосходство над противником (т.е. над СССР. – *И.Ш.*) во всех отношениях, навязал ему свой тип войны. Война велась в чисто западном духе, то есть так, как на Западе делались и делаются дела большого масштаба, – как строятся корабли, аэропорты, самолеты, как выполняются космические программы.

Со стороны Запада война была бизнесом со всеми его качествами. Она была не просто тратами в смысле потерь, как это имело место в «горячих» войнах прошлого, а инвестиций сил и средств по законам западнизма. <...>

«Холодная» война была войной особого типа, первой в истории человечества специфически западнестской войной. Хотя противники обладали вооружением, каким ранее не обладала ни одна армия, они не пустили его в ход непосредственно друг против друга. Общепринятое объяснение этого факта – применение современного оружия привело бы к гибели обоих противников и к мировой катастрофе. Но когда в смертельной схватке опасения последствий останавливали противников?! Американцы все-таки сбросили две атомные бомбы на Японию! Конечно, страх имел место, и он всячески раздувался искусственно. И это само по себе было оружием «холодной» войны. Гонка вооружений и политика на грани «горячей» войны были со стороны Запада войной на истощение противника. Советский Союз и его союзники вынуждены были нести непосильные траты.

Тот факт, что противники не уничтожали живую силу друг друга, тоже стал оружием Запада. Сохраняющееся и даже увеличивающееся население становилось дополнительной обузой. Людей надо было кормить, одевать, снабжать жильем, обеспечивать работой. Население Советского Союза за годы «холодной» войны выросло более чем на сто миллионов. Такую нагрузку не выдержала бы ни одна западная страна. <...>

Главным оружием в «холодной» войне были средства идеологии, пропаганды и психологии. Запад бросил колоссальные людские силы и материальные средства на идеологическую и психологическую обработку населения Советского Союза и его сателлитов, причем не с добрыми намерениями, а с целью деморализовать людей, оболванить, пробудить и поощрить в них самые низменные чувства и стремления. Расчет был на самый низкий интеллектуальный уровень и на самые низменные качества людей.

Ставилась задача атомизировать общество идейно, морально и политически. Расшатывать социальные и политические структуры. Лишать массы способности к сопротивлению. Разрушать идейно-психологический иммунитет населения противника. В качестве средства использовалась мощная пропаганда, отвлекавшая внимание людей от социальных проблем на секс, интимную сферу кинозвезд и гангстеров, на преступность, извращенные формы удовольствия. Провоцировались и раздувались нацио-

нальные и религиозные чувства, создавались и навязывались ложные мифы и кумиры.

В эту работу были вовлечены многие десятки (если не сотни) тысяч специалистов и добровольцев, включая агентов секретных служб, университетских профессоров, журналистов, туристов. Работа велась с учетом опыта прошлого, особенно геббельсовской пропагандистской машины, а также достижений психологии и медицины, особенно – психоанализа. <...>

Педантично используя идеологически-психологическое и экономическое оружие в течение сорока лет, не скупясь на баснословные траты, Запад (и главным образом США) полностью деморализовал советское общество, и прежде всего его правящие и привилегированные слои, а также его идеологическую элиту и интеллигенцию. В результате вторая сверхдержава мира капитулировала в течение поразительно короткого времени. Думаю, что на Западе не ожидали такого исхода «холодной» войны» [7, с. 378–380].

Особенно активно такого рода технологии по реализации геополитического «удара» правительство США использовало против Советского Союза на заключительном этапе «холодной войны», в первой половине 1980-х гг. В данный период пост президента США занимал Р. Рейган. И именно администрация этого американского президента своими действиями вынудила руководство СССР во главе с М.С. Горбачевым во второй половине 1980-х гг. фактически признать поражение советского государства в противоборстве с Соединенными Штатами и «капитулировать».

Американский политолог П. Швейцер в своей книге, посвященной анализу специфики внешнеполитического курса США в отношении Советского Союза в годы президентства Р. Рейгана, выделил следующие основополагающие принципы американской стратегии борьбы с нашей страной, которыми руководствовался Вашингтон в данный период: «Стратегия была создана и стала проводиться в жизнь в самом начале деятельности Рейгана на посту президента, а закончилась в 1987 году из-за тяжелой ситуации, создавшейся в результате иранских событий, из-за ухода с ключевых постов отдельных деятелей и разногласий в самой администрации. Стратегия была направлена против ядра (т.е. руководства. – *И.Ш.*) советской системы и содержала в себе:

– тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, что гарантировало сохранение оппозиции в центре Советской империи;

– значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, дающие им возможность распространения войны на территорию Советского Союза;

– компании по резкому уменьшению поступлений твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также ограничение экспорта советского природного газа на Запад;

– всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства;

– комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии, с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям;

– широко организованную техническую дезинформацию с целью разрушения советской экономики;

– рост вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов» [8, с. 17–19].

Для Соединенных Штатов в годы «холодной войны» главным инструментом для практического воплощения в жизнь технологии «стратегия не прямых действий» в процессе противоборства с СССР и его союзниками стали подрывные действия. При этом из всех видов подрывных акций главную роль для Вашингтона играли так называемые «тайные операции».

Например, данную особенность американской модели ведения геополитической борьбы в период «холодной войны» особо отметил бывший заместитель начальника директората разведывательных операций ЦРУ Т. Шекли в своей книге «Третий путь. Американский подход к контрповстанческим операциям», опубликованной в 1981 г. В этой работе автор, в частности, выделил три основные технологии, с помощью которых США могли защищать свои интересы на международной арене. Первая – это урегулирование международных проблем посредством дипломатии. Вторая – война, использование которой, по мнению Т. Шекли, в целом для США в условиях «холодной войны» являлось неприемлемым. И наконец, третья – это тайные, в основном полувоенные, операции. В разведывательном сообществе США для обозначения данного способа осуществления геополитического воздействия на противника принято использовать термин «третий путь». При этом стратегической целью применения технологии

«третий путь», указал Т. Шекли, является «подчинение американскому влиянию целых народов и отдельных людей и придание событиям нужного для США характера, и все это без раскрытия источника и организатора данной деятельности» [9, с. 6].

Следует также отметить, что в США эксперты в области подрывной деятельности в качестве важнейшего дополнения к «тайным операциям» также рассматривают так называемые «специальные операции» (СО), которые проводятся главным образом войсками специального назначения, или спецназом. Существенное значение в осмыслении американскими специалистами особенностей концепции применения «специальных операций» имели результаты работы симпозиума «Роль специальных операций в стратегии США на 80-е годы», организованного в 1983 г. Центром национальной стратегической информации, Центром исследования национальной безопасности при Джорджтаунском университете и Университете национальной обороны. «Участовавшие в симпозиуме М. Тагвел и Д. Чартерс (Центр конфликтологии университета в г. Брунсвике), – указывал российский исследователь А.О. Колобов, – предложили отделить СО от боевых действий с применением обычных вооружений по тем причинам, что: СО являются не столько военизированными, сколько политическими операциями, однако для достижения политических по своей сути целей часто приходится прибегать к полувойственным либо военным методам; главный оперативный принцип СО состоит в экономии сил, что предполагает такие их характеристики, как внезапность, быстрота, локализация зоны операции; СО требуют длительной разведывательной подготовки; использование прямой вооруженной силы в СО должно быть выборочным.

Военные эксперты США считали наиболее вероятным использование таких видов СО, как: акции захвата важнейших объектов при возникновении боевых действий с применением обычных вооружений, как, например, это имело место в ходе Фолклендской войны; проведение военизированных операций по аналогии с высадкой войск в Заливе Свиней на Кубе; противоповстанческие мероприятия (от экономической помощи проамериканским силам до военной подготовки кадров); так называемые «миротворческие акции», аргументированные необходимостью поддержания стабильности и порядка в той или иной стране; военные (полувоенные) акции по освобождению гражданских лиц, попавших в

плен к террористам либо оказавшихся в положении заложников.

Их проведение основывалось на предварительной разведывательной деятельности, учитывая это, бывший офицер ЦРУ Х. Товер выделил важность... таких факторов, как: людские ресурсы в зоне предполагаемой операции, в том числе местное и иностранное население; людские ресурсы в зонах, непосредственно прилегающих к эпицентру будущих событий; технические ресурсы; состояние средств коммуникации в зоне предполагаемых действий.

Весьма существенной представляется и экономическая сторона планирования специальных операций... Определяя экономическую помощь как «официальное предоставление иностранным правительствам и их народам невоенных ресурсов», сотрудник ЦРУ с большим опытом практической работы Д. Блауфарб не без оснований заметил: «Все, что передается одним правительством другому, может сыграть важную роль в определенное время и при определенных обстоятельствах». В качестве важнейших компонентов стратегии СО бывший офицер разведки США назвал содействие обучению высокопрофессиональных кадров (в том числе военных), сооружение дорог, материальную помощь в кризисных ситуациях для сохранения контроля за обстановкой, снабжение финансами и техническими средствами борьбы против распространения и сбора наркотиков и т.д.» [10, с. 33–35].

Еще одним важным дополнением к «тайным операциям» американские специалисты также называют «военно-психологические акции». «Полковник военной разведки США М. Кризел, – отмечал А.О. Колобов, – предложил всеобъемлющую градацию смешанных психологических операций:

1. Публичная информация, т.е. форма правительственной пропаганды, рассчитанной на понимание со стороны иностранной аудитории существа проводимой Соединенными Штатами политики. По сравнению с другими методами психологического порядка «публичная информация является наиболее свободной от различного рода манипуляций и контроля».

2. Публичная дипломатия, т.е. использование программ международного информационного, научного и культурного обмена с целью создания благоприятного внешнеполитического климата для необходимых военных шагов и акций правительства США. Деятельность четырех институтов в рамках Национального фонда в поддержку демократии, созданного по инициативе Р. Рейгана, явилась одним из конкретных проявлений концепции публичной дипломатии.

Для привлечения на американскую сторону общественного мнения зарубежных стран, влиятельных групп и организаций особое значение придается установлению контактов на неправительственном уровне, минуя официальные инстанции. Особенно важной публичная дипломатия оказалась при организации США силового воздействия на различные диктаторские и авторитарные режимы.

3. Психологические операции, понимаемые как логическое дополнение к политическим и экономическим санкциям США в случаях, когда дипломатические меры не срабатывают и возникает возможность использования американских военных средств. Психологические операции рассчитывались на «дружественные и нейтральные силы», поддержка либо лояльное отношение которых в отношении дальнейших действий США представлялась стратегически существенной. Использование наиболее значимых компонентов психологических операций быстро привело к тому, что Соединенные Штаты в целом добились необходимой им сдержанной реакции большинства латиноамериканских правительств на военную операцию против генерала А. Норьегу в декабре 1989 года.

4. Психологическая война, т.е. целенаправленное использование всех средств политической пропаганды и идеологической обработки населения «недружественных (вражеских) государств». Если психологические операции, как правило, были ограниченными во времени рамками той или иной предполагаемой военной акции США, то при «психологической войне» обычно преследовались более широкомасштабные цели и использовались для их достижения все новейшие технические средства (радио- и телекоммуникации, спутниковая связь и т.д.). Антикубинская пропаганда и деятельность «Радио Марти» неслучайно долгие годы рассматривалась в качестве компонентов психологической войны против правительства Ф. Кастро» [10, с. 35–36].

Ведущая роль в подготовке и проведении этих «тайных операций» американскими правящими кругами отводилась ЦРУ. Непосредственным их осуществлением занималось Управление тайных операций, которое входит в структуру Оперативного директората. По определению Д. Ричелсона, одного из ведущих американских специалистов по вопросам разведывательной деятельности США, к «тайным операциям» относятся следующие акции подрывного характера:

1. Оказание влияния на политических, государственных и общественных деятелей зарубежных стран.

2. Создание выгодной для США ориентации общественного мнения в зарубежных странах.

3. Оказание финансовой поддержки и материально-технической помощи (включая снабжение оружием и боеприпасами) политическим партиям, группам, фирмам, организациям и отдельным лицам, деятельность которых отвечает национальным интересам США.

4. Пропагандистские мероприятия.

5. Политические и полувойенные акции с целью поддержки или свержения существующих в зарубежных странах режимов.

6. Физическая ликвидация отдельных лиц [11, с. 199].

Представления относительно особенностей стратегической направленности «тайных операций» ЦРУ, проводимых против СССР и его союзников, можно получить, например, из содержания циркулярного письма руководства этой американской спецслужбы, которое было направлено в ее резидентуры, действовавшие в социалистических странах (данный документ был опубликован в Советском Союзе в номере газеты «Правда» от 19 июля 1968 г.):

«Совершенно секретно, особой важности.

Сообщите:

1. Имеются ли какие-либо организованные подпольные группы противодействия существующему правительству. Если имеются, то где они находятся и каковы их возможности? Кто их руководители и каким образом можно установить с ними контакт?

2. Какие группы населения по профессиональным или каким-либо другим категориям вероятнее всего могут поднять мятеж или восстание стихийно? Какие группы в настоящий момент наиболее восприимчивы к психологическим операциям, проводимым Западом?

3. Когда, где и при каких обстоятельствах, а также при каком руководстве извне могут возникнуть движения противодействия или восстания против существующих правительств?

4. Степень проникновения оппозиционных сил в коммунистическую партию и их возможности противодействовать идеалам коммунистической партии?» [12, с. 244–245].

В свою очередь, бывший главный офицер связи Пентагона с ЦРУ Ф. Праути в своей книге, посвященной разведывательной тематике, изданной в 1973 г., указал, что концепция разведки, положенная в основу деятельности ЦРУ, предусматривает проведение 90% подрывных операций и только 10% классических разведывательных мероприятий [11, с. 199].

Вместе с тем американский историк А.М. Шлезингер-младший обратил также внимание на следующую специфику стратегии американской разведки при реализации «тайных операций» в период «холодной войны»: «Крупным нововведением ЦРУ стал упор на «тайные операции» в мирное время, т.е. использование подпольных методов для изменения политики и смены режимов в других странах» [13, с. 125].

Выбор правящей элитой США в период «холодной войны» именно данного концепта борьбы для сокрушения СССР, как можно заключить, был отнюдь не случайным и обуславливался тремя главными факторами.

Во-первых, к концу Второй мировой войны советское руководство сумело создать в СССР достаточно мощный и развитый военно-технический потенциал. При этом советские вооруженные силы приобрели к тому времени огромный опыт по ведению широкомасштабных военных действий и армия СССР являлась на тот момент одной из наиболее боеспособных армий в мире. Кроме того, советское общество и «коммунистическая» правящая элита страны в годы Великой Отечественной войны наглядно продемонстрировали Западу свою сплоченность, устойчивость перед любыми трудностями и испытаниями, а также жизнестойкость и способность к «выживанию» в самых чрезвычайных условиях. Обладание Советским Союзом, как государственной системой, такими качественными характеристиками делало для США весьма проблематичным обеспечение победы в ходе открытой военной конфронтации с Москвой. А если Соединенные Штаты все-таки смогли бы в конечном итоге выйти победителем в этой войне с СССР, то скорее всего эта военная победа досталась бы Вашингтону такой дорогой ценой, т.е. США наверняка понесли настолько большие материальные и людские потери, что данное обстоятельство неизбежно подорвало бы геэкономическую и военную мощь Америки, а также ее геополитическое влияние на международной арене. Причем настолько, что США несомненно утратили бы свой статус сверхдержавы, обретенный в результате итогов Второй мировой войны. И американские правящие круги в данных обстоятельствах были бы просто вынуждены полностью отказаться от дальнейшей реализации своих стратегических планов относительно достижения США мирового господства.

Во-вторых, использование Вашингтоном в период «холодной войны» концептуальной модели геополитической борьбы «стратегия не-прямых действий» также безусловно позволяло

американской правящей элите существенно минимизировать свои затраты на осуществление противоборства с Советским Союзом. Поскольку тайные подрывные акции против СССР в целях разрушения его государственной системы фактически «изнутри» несомненно требовали от США гораздо меньших расходов сил и средств, чем в случае если бы американское руководство вело открытую войну с советским государством. А это, в свою очередь, также давало возможность правящим кругам США экономить значительные ресурсы, которые можно было затем направить в качестве «дополнительного источника» на поддержание дальнейшего поступательного экономического и научно-технического развития американского государства и, таким образом, обеспечения условий, позволяющих Соединенным Штатам добиться так называемого «подавляющего превосходства» над СССР по уровню развития как по количественным, так и по качественным параметрам. Что, в свою очередь, также являлось для США одной из важнейших предпосылок, согласно выбранной концепции геополитической борьбы, для достижения «абсолютной» геополитической победы над Советским Союзом в период «холодной войны».

В-третьих, появление у США и СССР в 1945–1949 гг. ядерного оружия. Поэтому открытая военная конфронтация Москвы и Вашингтона неизбежно привела бы к тому, что обе противоборствующие стороны ради достижения «победы» в конечном итоге стали бы применять атомное оружие. Это, в свою очередь, могло бы привести к непредсказуемым последствиям как для Советского Союза и Соединенных Штатов, так и для мира в целом при любом исходе этой ядерной войны между сверхдержавами. Как следует отметить, разработчики Доктрины СНБ 68 особо выделили данный фактор как одну из главных причин, обусловивших своеобразие предложенной ими концепции стратегии сокрушения СССР. «Современная ситуация, – говорилось по этому поводу в указанном документе, – характеризуется:

(1) поляризацией сил – США и СССР;

(2) в Советском Союзе господствует новая фанатичная идеология, противоречащая нашей собственной, более того, они стремятся навязать ее другим народам. Во времена же существования оружия массового поражения каждый человек стоит перед угрозой уничтожения, если конфликт (между США и СССР. – *И.Ш.*) перерастет в тотальную войну... С одной стороны, все народы стремятся избежать развязывания атомной войны, с другой – необходимо понимать, что дальнейшее расширение коммунисти-

ческого влияния приведет к формированию такой коалиции, противостоять которой будет почти невозможно. Сложившаяся ситуация требует от нашего народа принятия ответственного судьбоносного решения (другими словами, разработки адекватной этим сложившимся обстоятельствам стратегии противоборства с Советским Союзом. – *И.Ш.*)» [5, с. 260–261].

Таким образом, рассмотрение приведенного выше фактического материала достаточно убедительно свидетельствует о том, что главной отличительной особенностью созданной американскими специалистами в годы «холодной войны» разновидности технологии геополитического противоборства «стратегия не прямых действий» являются такие присущие ей характеристики, как «активность», «наступательность», «агрессивность» и «неожиданность». Это практически означает, что «американская модель» данной концепции ведения геополитической борьбы, в отличие от ее «китайского» аналога, ориентирована на то, чтобы «агрессор» использовал в целях обеспечения «развала» государственной системы страны-«жертвы» не только уже сформировавшиеся внутри такого государства естественным путем различные системные кризисные явления. Но и предпринимал самые активные «наступательные», «агрессивные» и фактически «внезапные», а также самые разнообразные, с точки зрения применяемых сил и средств, геополитические действия в отношении атакуемой страны, рассчитанные на то, чтобы подобным способом дополнительно сформировать в рамках государственной системы страны-«жертвы» уже «искусственные» точки бифуркации, а также углубить и усилить при этом масштабы такого рода кризисных процессов. Иными словами, «американский сценарий» практического использования «стратегии не прямых действий» предполагает развертывание геополитического противоборства на межгосударственном уровне сразу по двум ключевым измерениям «борьбы» одновременно, т.е. практическое осуществление геополитической борьбы против государств-«противников» происходит с учетом как фактора «пространства», так и фактора «времени». И как можно констатировать, используемый правящими кругами США подобный сценарий применения «стратегии не прямых действий» позволяет Вашингтону в условиях постбиполярного мира обеспечивать свое превосходство над любым «враждебным» государством вообще фактически одновременно сразу по трем главным параметрам, имеющим решающее значение для сокрушения любого геополитическо-

го противника. Это – по сконцентрированному на главном направлении геополитической атаки потенциалу сил и средств. По организационным возможностям совершать «в пространстве и во времени» эффективные маневры, в том числе и скрытные, «боевым инструментарием» в процессе ведения геополитической борьбы. И наконец, по темпу, связанному с подготовкой и практической реализацией соответствующих «боевых операций» против страны-«жертвы».

В заключение необходимо также отметить, что несмотря на завершение эпохи «холодной войны» правящие круги США уже в условиях постбиполярного мира по-прежнему рассматривают данный концепт «выстраивания» геополитической борьбы в качестве главной прикладной технологии сокрушения своих реальных и/или потенциальных геополитических «врагов» из числа других государств и активно используют подобную модель противоборства для обеспечения американских национальных интересов в различных регионах планеты. Так, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Вашингтон применял «стратегию не прямых геополитических действий» для сокрушения Югославии, Ирака, Афганистана. Кроме того, с помощью этой технологии Соединенные Штаты добились свержения «неудобных режимов» в Грузии, Украине и Киргизии. И как следует подчеркнуть, в настоящее время именно «стратегия не прямых действий» служит для руководства США той концептуально-теоретической основой, на базе которой формируется и практически осуществляется американская политика в Евразии, направленная на геополитическое и геоэкономическое «сдерживание» прежде всего РФ, КНР и Ирана, т.е. ориентированная на нейтрализацию государств, ставших фактически главными геополитическими противниками Америки на пространстве Евразийского континента на рубеже XX–XXI вв.

Список литературы

1. Лиделл Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 536 с.
2. Шамин И.В. Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий: Монография. Н. Новгород – Саров: СГТ, 2010. 432 с.
3. Фефелов А. Гадит ли англичанка? // Завтра. 2007. № 30.
4. Шевякин А.П. Загадка гибели СССР (история заговоров и предательства. 1945–1991). М.: Вече, 2003. 464 с.
5. Колобов О.А., Корнилов А.А., Рыхтик М.И., Цхай И.В. Проблемы войны и мира в XX веке. Нижегородская серия документов по истории междуна-

родных отношений. Хрестоматия. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1997. Т. 1. 277 с.

6. Крупянко М.И. Япония 90-х: в поисках модели отношений с новой Россией. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 168 с.

7. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. 462 с.

8. Швейцер П. Победа. Мн.: СП «Авест», 1995. 464 с.

9. Shackley T. The Third Option. An American View of Counterinsurgency Operations. New York, 1981. 286 p.

10. Колобов А.О. Левиафан и всемирное зло (о возможностях, результатах и последствиях современного государственного контртерроризма США). Н. Новгород: ФМО / ИСИ ННГУ, 2004. 92 с.

11. Ваджра А. Запад: матрица глобальной гегемонии. М.: АСТ: Астрель, 2007. 542 с.

12. Удилов В.Н. Назад к истине. М.: Ягуар, 1998. 272 с.

13. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 688 с.

**PECULIARITY OF THE AMERICAN VARIANT OF THE CONCEPTUAL MODEL
OF THE STRUGGLE BETWEEN STATES:
“THE STRATEGY FOR INDIRECT GEOPOLITICAL ACTIONS”**

I.V. Shamin

The article examines the theoretical model of the geopolitical struggle at the intergovernmental level, which is implemented by the ruling elites of the USA. The peculiarity of this model is in that the main priority of geopolitical struggle is to remove from power the unwanted political regime in the country being “attacked”.

Keywords: geopolitical struggle, strategy of indirect geopolitical actions, covert operations, unwanted political regime, “the third way”, subversive actions, “special operations”, “military and psychological actions”.